

УДК 821.161.1.0

Ефимова Алла Николаевна, преподаватель кафедры языковых знаний
Алматинского Университета Энергетики и Связи, г. Алматы, Казахстан (каз.
Алматы Энергетика және Байланыс Университеті (АЭЖБУ)
e-mail: alla_almatinskaya@inbox.ru

ПОДВИЖНИКИ ВЕРЫ В ЛАГЕРНОМ СОЦИУМЕ

Аннотация: цель нашего исследования – рассмотреть феномен возрастания личностей подвижников в условиях лагерного заключения, понять причины их благотворного воздействия на окружающих. Для изучения выбраны различные виды мемуаров (воспоминания, автобиографии, письма и т.д.). Актуальность исследования продиктована недостаточной освещенностью личностей подвижников и их уникального жизненного опыта в лагерных мемуарах, недостаточным использованием ее воспитательного и духовно-нравственного ресурса.

Ключевые слова: лагерная проза, подвижники, мемуары, взаимоотношения, христианская антропология, страдания, личность.

Alla Efimova, teacher, department of language knowledge, Almaty University of Energy and Communications.

e-mail: alla_almatinskaya@inbox.ru

DEVOTEES OF FAITH ARE IN CAMP SOCIETY

Annotation. The purpose of our research is to consider the phenomenon of increasing personalities of devotees of faith in the conditions of imprisonment, to understand the reasons of their positive influence on people around. We have chosen different kinds of memories (autobiographies, recollections, letters etc.) for our

studying. Research actuality is dictated by insufficient study of personalities of devotees and their unique life experience in camp prose, insufficient exhaustion of its educational and spiritually-moral potential.

Keywords: camp prose, devotees, memories, relationship, Christian anthropology, suffering, personality.

Лагерь – это среда, больше способствующая деградации личности, способствующая развитию звериных или скотских инстинктов, в которой существует борьба за выживание, действуют жестокие взаимоотношения между людьми. И тем более удивительными видятся в этой среде проявления подвижниками любви к солагерникам, возрастания их в любви к ним и пробуждения в солагерниках лучших качеств. Рассмотрим трансформацию личности через ряд жизненных свидетельств о подвижниках веры и их взаимовлияниях с другими заключенными.

Святителю Луке, как пастырю и врачу, было естественно помогать и заботиться о людях, независимо от их моральных качеств. Никаких колебаний души – только любовь к людям и желание облегчить страдания. Когда он в тюрьме из жалости отдал дрожащему от холода «шпаненку» ненужный владыке полушубок, на их главаря это произвело огромное впечатление, и потом он постоянно выражал ему свое уважение. Случай со спасением жизни жулика вызвал благодарность и уважение у его собратьев к владыке. На милиционера, сопровождавшего владыку под конвоем за Полярный круг, так повлияла мужественная и твердая в вере личность владыки, что, когда он увидел его, вернувшегося из Заполярья, то бросился целовать его и обнимать как самого близкого человека. В период Великой Отечественной войны он обратился к правительству, чтобы ему дали возможность лечить раненых, попросив оставшийся срок в ссылке отбывать после войны. С радостью он вспоминает о своей работе главным хирургом в госпитале Красноярска: «Раненые офицеры и солдаты очень любили меня. Когда я обходил палаты по утрам, меня радостно приветствовали раненые» [8, с. 124]. Помимо влияния его

человеческих качеств на людей как личности и хирурга, он оказывал сильное воздействие как духовный лидер: в сибирской ссылке он вернул в лоно церкви многих священников-обновленцев, уклонившихся в «живоцерковный» раскол. «Священник продолжал выполнять миссию поводыря для «слепых» жителей русских селений» [16, с. 521].

В данном случае трансформацию личности мы видим не как изменение, а как дальнейшее развитие лучших человеческих и профессиональных качеств у святителя, возрастание любви к людям в тяжелейших условиях тюрьмы и ссылки. К его личности и личностям других подвижников можно отнести его же слова, сказанные им в научном труде «Дух, душа и тело»: «Люди, по духу сродные Богу любви, воспринимают Духа Святого и неуклонно совершенствуются в добре и любви» [7, с. 71].

Об отношении епископа Афанасия (Сахарова) к солагерникам вспоминает протоиерей Василий Архангельский: «Для всех он был примером христианского смирения и терпения, для каждого у него находилось ласковое слово, всех ободрял светлой надеждой досрочного освобождения» [14, с. 134]. Виктор Франкл, знаменитый австрийский психотерапевт, психолог и философ, выживший в нацистском лагере смерти, пишет о значимости доброго слова там: «Бывали обстоятельства, когда и слово становилось действенным, вызывало внутренний отклик, рождало ответное эхо» [22, с. 154].

Отношение владыки к врагам иллюстрирует эпизод с мучителем-бандитом, которого он покори́л своим терпением и незлобием. Владыке вырезали на груди кусок тела, насыпали туда соль и завязали, оставив при нем караулить одного из бандитов. Владыка Афанасий привел этого бандита к покаянию и исповедничеству веры вплоть до мученической кончины. Бандит, пораженный незлобием и кротостью владыки во время пытки, бросился к его ногам, прося научить, что ему делать. Преосвященный Афанасий сказал ему: «Встань, встань, мы сейчас с тобой немножечко помолимся, а наутро скажешь, что ты христианин, и попадешь в рай» [14, с. 150]. И действительно, когда утром бандит исповедовал себя верующим христианином, ему отсекли голову.

Боль страдания за ближних усиливается у него в заключении, и он старается утешить их в письмах: «Не унывайте никогда, родная моя. Верю – безмерное множество грехов наших потонет в бездне Божия милосердия» [14, с. 187].

Мы видим три направленности человеколюбивого отношения: любовь к ближним в буквальном смысле (к людям, находящимся рядом с ним в заключении) и к людям близким по духу, а также - к мучителям. Все святые говорят о том, что чувство любви испытывать к своим мучителям невозможно без помощи Божией. Силуан Афонский пишет в записках, как научиться этому: «Сначала принудь сердце твое любить врагов, и Господь, видя доброе желание твое, поможет тебе во всем и сам опыт покажет тебе» [17, с. 496].

Эта же разнонаправленная любовь к людям присутствует у всех подвижников веры.

Скудны сведения о взаимодействии с людьми митрополита Николая Алма-Атинского (Могилевского) в тюрьме и в лагере. Но есть эпизод, рассказывающий о том, как он, будучи в ссылке, попав от измождения в больницу, общался с людьми. Как только ему стало немного лучше, он старался помочь каждому в больнице, и окружающие в ответ относились к нему с любовью, ласково называя его «дедушкой». Судя по этому эпизоду, можно предположить, что и в тюрьме, и в лагере он с такой же с любовью относился к людям [15, с. 50]. Слова богослова Иустина Поповича указывают на источник любви к людям у подвижников: «Любовь к человеку – это только видимое проявление и верная направленность человеческой любви к Богу. Сумеет человек стяжать любовь к Богу, он, в то же время, сумеет и человека возлюбить. Любовь к людям онтологически обусловлена любовью человека Богу» [12, с. 162].

Доброта владыки Иосифа Алма-Атинского (Чернова) действовала как на солагерников, так и на обвинителей. Заключенный Борис Филиппов вспоминал, что владыка всегда подбадривал заключенных добрым словом, делился с ними продуктами, оставаясь веселым и жизнерадостным и повторяя с улыбкой слова

святого Амвросия Оптинского: «От ласки загораются глазки» [13, с. 58]. Бывший заключенный Челяблага Алексей Сапожников вспоминает, что из-за особого отношения владыки к людям, все его уважали, и каждый хотел, чтоб он был в их бригаде. «К нему тянулись, – объясняет Сапожников, – потому что, когда стоишь около огня, он тебя греет. Так и около такого человека» [13, с. 99]. Одного заключенного, который в отчаянии убил доносчика и потом пришел к нему весь в крови и с ножом в руке, владыка вразумил, что его поступок, убийство, – это страшный грех [13, с. 208]. Притягательное очарование личности подвижника, достигшего обожения, пытается понять П. Флоренский: «Духо-носная личность прекрасна, – и прекрасна дважды. Она прекрасна о б ъ е к т и в н о, как предмет созерцания для окружающих; она прекрасна и с у б ъ е к т и в н о, как средоточие нового, очищенного созерцания окружающего» [21, с. 321].

Обвинителей на допросе поражала сила его веры, которая делала его стойким, честным и неподкупным, и о которой они высказались: «Христианство имеет особенные свойства!» [13, с. 186] Эти слова он заповедал написать на его надгробном кресте. А затем многие из них приезжали к нему после лагеря. Результатом развития его отношения к людям можно процитировать такие слова из его уст: «Когда человек перед моими глазами, на лице все написано, я вижу, что за человек, и знаю, что сказать. Я не боюсь никакого вопроса ни от кого. Если б люди знали, как они прекрасны в своей индивидуальности и в своем таланте и талантах» [13, с. 163]. Вновь здесь уместны будут слова Иустина Поповича, вторящего многовековому христианскому опыту: «Соединившись с Богом, человек получает силы духовного единения с людьми. Удаляясь от Бога, он тем самым отдаляется от людей. Чем человек ближе к Богу, тем он ближе и к людям. Тот, кто особенно близок людям, тот ближе всего и к Богу» [12, с. 163].

Повествования подвижников, которые сами рассказывают о своем пребывании в заточении по прошествии лет отличаются анализом своих поступков, событий, состояния своего внутреннего мира и своих

взаимоотношений с Богом и людьми уже с высоты своего приобретенного жизненного опыта. Как пишет исследователь феномена мемуарного творчества Ю.Н. Мажарина: «Мемуары – это всегда демонстрация авторского самосознания и уровня авторского познания мира» [9, с. 204].

Особенно это видно на примере воспоминаний протоиерея Михаила Труханова. Когда его арестовали, он еще не имел сана священника. Общение в лагере даже с порочными людьми помогает ему увидеть и осознать испорченность своей души. М. Труханов, будучи человеком свободным от блудной страсти, резко осудил фельдшерицу Анну за ее разгульный образ жизни, хотя она во многом по-человечески помогла ему и проявила искренний интерес к вере. Он считал себя чистым и думал о себе, что имеет право обличать ее в безнравственности. Позже он понимает, что за грех осуждения Господь попустил ему самому испытать сильную плотскую брань [19, с. 232].

В заключении у него возникает сильное желание послужить Богу и людям. «Стоя в камере у зарешеченного окна, я стал молиться Богу, стал просить, чтобы Господь удостоил меня и в заключении проповедовать Евангелие Христово тем, кто его не слышал, и приводить к христианской жизни тех, кто доселе ею не живет» [19, с. 86], – вспоминает он. Как он и хотел, слово Божие через него оказывало влияние на людей: кто-то раскаялся и пришел к вере, кто-то посмотрел на свою жизнь со стороны, задумался о смысле жизни.

Одно время он работал в регистратуре санчасти и проводил там религиозные дискуссии среди медиков. Особенно длительные беседы (4 дня, в свободное от приемов время) он вел с зубным врачом, агрессивно настроенной атеисткой. В результате этих бесед ее позиция по отношению к вере стала противоположной. После своего отъезда она прислала ему письмо: «Теперь я убежденно верю в то, что Христос, действительно накормил в пустыни тысячи людей пятью хлебами, Богу - все возможно. <...> Я радуюсь, что уверовала во Христа. Но меня угнетает та грязь жизни, в которой я копошилась – не замечая даже – до сих пор» [19, с. 174]. Также ее поразила чистота его отношения к ней:

4 ночи спали на его топчане – и никаких нецеломудренных слов, намеков и, тем более, поцелуев или объятий.

Хотя некоторые уголовники не изменили своей жизни, но поняли ее порочность и с благодарностью относились к его слову о Боге. М.Труханов приводит в воспоминаниях и редкий пример, как бандит, убивший ранее архиерея, решил стать христианином, изменить свою жизнь. Больше всего бандита поразило мужественное отношение христиан к страданию и к смерти, и он захотел, чтобы у него выработалось такое же отношение к страданиям и к смерти [19, с. 221].

В лагере М.Труханов осознал ценность наличия веры в Бога у человека независимо от принадлежности к определенной конфессии (православный, католик, мусульманин, иудей и т.д.). «В условиях лагеря, каторги мы это резко чувствовали. Одно дело – верующий, а другое – не верующий. Сразу ясно! Мы плохо даже различали, католик это был или мусульманин. Но мы знали, что это – верующий!» [18, с. 160] Эти слова говорят о том, что у верующего человека отношение к другим людям особое, не безразличное. Они ценили и уважали чужую веру, приглашали друг друга на религиозные праздники. Мусульмане приглашали христиан (именно верующих) на Байрам, а православным было радостно слышать на Пасху «Христос воскрес» на разных языках. «Я с радостью находился среди верующих в условиях лагеря и каторги, – вспоминает он, – потому что для меня верующий – это уже категория совсем другого человека» [18, с. 161].

Благодаря крестьянской смекалке и опыту отец Павел Груздев, отправленный в лагерь еще молодым человеком, использовал все возможности, чтобы помочь выжить в лагере другим людям. Пользуясь пропуском для выхода из зоны, он собирал в лесу грибы и ягоды, приносил их в лагерь (поделившись с охранниками, чтобы пропустили), менял на хлеб и кормил умирающих от голода [23, с. 233]. Также делал запасы на зиму: складывал в стога рябину и солил в самодельных ямах грибы. А самым счастливым днем своей жизни он считал тот день, когда он накормил голодную девушку с

западной Украины, у которой украли весь хлеб за 3 дня. Она отказалась принять у него хлеб, сказав, что своей чести за хлеб не продает. Его настолько восхитили чистота души и принципиальность девушки, что он, сунув ей хлеб, убежал в лес, встал на колени пред Богом и плакал от радости. [23, с. 256].

Другой яркий эпизод рассказывает о том, как он сначала спас заключенного немца от самоубийства, вытащив из петли, а затем от расстрела, который ему грозил за то, что он уснул, а кони попали под поезд. И удивительно, как его правдивое слово убедило суд помиловать несчастного, когда П.Груздев за него заступался.

Эти бесхитростные воспоминания характеризуют его как человека думающего прежде о других, а потом о себе. Окружающие не могли не заметить его самоотверженного отношения к людям, у него и было прозвище «святоша», как некоторые его насмешливо называли. С любовью он вспоминал даже следователя, который над ним издевался: «Этот следователь мне все зубы выбил. А хороший был человек. У нее же семья, ее же кормить надо. Он для семьи и старался» [1, с. 303].

Самое главное, что он понял в лагере, это ценить внутреннюю суть человека: имеется ввиду то, как человек относится к ближнему. Он понял, что христианин – это не тот, кто называет себя «христианином», а тот, кто поступает по-христиански [23, с. 249]. Он видел священников, которые доносят на собратьев; он видел и коммунистов, которые уступают очередь за последним хлебом женщине с детьми; также он видел и начальника лагпункта, подписывающего пропуск на лесную Литургию. К подобному мнению пришел в фашистском концлагере психолог и философ Виктор Франкл: «Доброго человека можно встретить везде, даже в той группе, которая, безусловно, по справедливости заслуживает общего осуждения. Здесь нет четких границ! Не следует внушать себе, что все просто: одни – ангелы, другие – дьяволы» [22, с. 163]. И он приводит примеры охранников и надсмотрщиков, которые вопреки давлению лагерной жизни оставались людьми, чья человечность потрясала. Это

воспринимается им как их личный и нравственный подвиг, а, наоборот, подлость и зло своих собратьев-заключенных были болезненны и невыносимы.

В тяжелые годы испытаний отец Павел Груздев приобрел дар любви, научился любить людей. Так восклицал он: «А я всех люблю, верующих и неверующих – всех под одну гребенку!» [23, с. 249]

Исследуемый материал о следующих рассматриваемых священниках (Иоанне Крестьянкине, Сергии Мечеве, Павле Флоренском) представлен преимущественно в письмах. Ю.А. Мажарина в статье «Мемуары как вид публицистического творчества», такой вид мемуаров (письма, дневники, путевые заметки) классифицирует как «непосредственные». Подобные тексты она характеризует так: «Они достаточно эмоциональны, ярки в содержательном плане и обладают высокой степенью достоверности, поскольку созданы по горячим следам» [9, 201-202]. Описание в письмах первых впечатлений, мыслей, переживаний, тем более с искренностью написанные близким людям, дают нам возможность ясно увидеть жизнь души мемуариста.

Любвеобильный характер священника Иоанна Крестьянкина еще более полно раскрылся в лагере. Свое лагерное окружение он воспринимал как новую паству, посланную ему по воле Божией Божьему: «Помышлял ли я о таком проявлении воли Божией? Конечно, нет... А Господь переводит меня на другое послушание – в заключение, к новому руководству, к новой пастве. Так помимо нашего понимания и осмысливания ведет Господь по жизни нашу утлую лодчонку Своей твердой рукой» [24, с. 71].

Его доброе отношение к людям оказывало на них огромное влияние. Вот как вспоминает о нем солагерник В. Кабо: «Особенно поразили меня его глаза – вдохновенные глаза духовидца. <...> Я встречал немало православных священников и мирян, но, кажется, ни в одном из них... не проявилась с такой полнотой и силой глубочайшая сущность христианства, выраженная в простых словах: «Бог есть любовь». Любовь к Богу и к людям – вот что определяло все его поведение» [24, с. 87]. Силу его влияния он объясняет тем, что о.Иоанн именно любил людей, ценил в людях человеческое достоинство и в каждом

человеке видел его духовную природу, даже в профессиональном воре и в преступнике, к которому он относился с такой же любовью, как к другим заключенным. Также он делился с ними гостинцами из посылки и говорил им добрые слова. Характер отношения к нему заключенных иллюстрирует такой случай с уголовниками, рассказанный В.Кабо: «Начальство поручило отцу Иоанну раздавать зарплату заключенным. <...> И случилось то, чего и должно было опасаться, чемодан с деньгами у него похитили. Наказание известное – суд и добавление срока. Весть о его беде зашелестела по ОЛПу. Через день чемодан с деньгами ему вернули полностью. Принес его сам старшой, тогда была власть блатных» [24, с. 88]. Виктор Франкл делится своим опытом понимания смысла жизни, который он приобрел в концлагере, когда у человека уже ничего нет. Его пронзила мысль: «Я понял, я принял истину – только любовь есть то конечное и высшее, что оправдывает наше здешнее существование, что может нас возвышать и укреплять» [22, с. 79]. К такому пониманию, видимо, сознательно или подсознательно пришли и окружающие о. Иоанна солагерники, оценившие его отношение к ним.

Заботясь о своей новой пастве, он обращается в письмах с просьбами к своей пастве на воле. Просит лекарства для солагерников, краски для художника и т.д. Находясь в заключении, он продолжает назидать своих духовных чад на воле. В письмах к ним он наставляет их: «При постоянном содействии благодати Св.Духа продолжайте, мои дорогие, жить верою, укрепляться надеждою, гореть любовью к Богу и друг ко другу и смиряться покаянием перед своим Творцом» [24, с. 101]. Обращаясь к ним, он постоянно благодарит Бога и призывает их славословить Творца, смотреть на жизненные невзгоды духовно [24, с. 94]. Не только словом, но и делом о. Иоанн старается поддерживать их – в знак любви посылает им баночку брусники и бидончик малины: «Все приготовлено лично мною и послужит вам в утешение. Хоть оно и не очень высокосортное, но зато приготовлено с большим усердием и в условиях необычной жизни» [24, с. 129]. Он огорчается тем, что нет мира между духовными чадами, скорбит о том, что они больше душевные, чем

духовные, просит их совершенствоваться и любить друг друга: «Вам, мои милые, хорошо известно о том, что я очень далек от всякого лицепрятия. Кто из вас стоит ближе к Богу, тот и ближе к моему любящему всех вас одинаково сердцу» [24, с. 118]. Заповедует им совершенствоваться и любить друг друга.

Об его отношении к врагам красноречиво говорит такой факт: о.Иоанна пытали на допросах, и за следователя, который переломал ему все пальцы, он молился всю свою жизнь, каждый день поминал его в своих молитвах.

На священника Сергия Мечева, оказавшегося в заключении в дали от близких по духу людей (паствы и семьи), усиливается влияние этих людей, и также усиливается влияние его личности на них. Со своей стороны он осознает и понимает, кем и чем они являются для него в космическом масштабе, в масштабе вечности. В то же время для них каждое его слово становится более весомым и действенным. А те из них, кто посещает его, стараются запомнить каждое мгновение общения с ним. Он обращается к ним в письмах: «Вы не заслоняете мне Господа, а показываете. Через вас познавал Господа, в вас Он открывался мне; с вами и от вас я возносил молитвы Ему. Служа вам, служил Ему, видя по образу Божию созданную вашу красоту, возносился к Его неизреченной доброте; видя ваши грехи, оплакивал свои прегрешения, видя ваше исправление, посрамлялся перед Ним и просил Его помощи в исправлении моей грешной жизни. <...> *Вы мой путь ко Христу*, как же пойду без вас?» [10, с. 126]

О.Сергий (Мечев) в неволе переосмысливает свою жизнь, стараясь понять причины, которые привели/породили страдание, считая, что именно его сердце произрастило этот крест. Он призывает и свою «покаяльно-богослужebную семью» помолиться о нем, чтобы он мог как можно лучше совершить эту переоценку своей жизни. Он просит, чтобы и они последовали его примеру - заглянули внутрь своих душ: «Умоляю вас, последуйте отцу вашему. Войдите во внутреннюю клеть, и при свете старческих слов разберите каждый свою жизнь. Найдите в ней источник нечистоты, вызвавший необходимость очистительных страданий, вам ниспосланных» [10, с. 132]. Он

наставляет их, заботится о них, видя разногласия среди своей паствы, обращается к ним со словами: «Понимаете ли вы по-настоящему, что такое покаяльно-богослужебная семья? Сознали ли, как добро и красно жить в ней в купе? Исполняли ли свои обязанности по отношению к ней и к отдельным ее членам?» [Там же]. Он просит быть едиными, ценить, любить и служить друг другу, приводя в пример покаяльно-богослужебную семью в виде апостолов у Иисуса Христа, у Моисея семью – в виде народа Израильского, а также апостола Павла и Феодора Студита. «Дети мои, ведь и наша семья от Господа! Принимаем ли мы ее от руки Всевышнего? <...> Молитесь Господу, просите Его, чтобы снял Он с вас тесноту, замыкание в себе, чтобы получили вы расширенное сердце!» [10, с. 134]

Свидетельства очевидцев, близких и духовных чад, посещавших его в ссылке, со стороны фиксируют изменения, произошедшие в его характере: ранее он был вспыльчивым, а в заключении он стал ласковым, кротким [10, с. 147]. Следующее воспоминание о нем показывает силу его любви к своей «покаяльной» семье и конкретно к каждому человеку. Обычное перечисление имен на молитве больше похоже на духовное признание в любви каждому человеку: «Каждое имя он повторял за мной, каждого, казалось, видел перед собою, каждому кланялся до земли, как человеку, каждого благословлял, словно тот присутствовал <...> и каждое имя вспоминалось со всеми скорбями, со всеми переживаниями человека, которому оно принадлежало» [10, с. 123]. Настолько по-разному, с любовью он к ним относится, вспоминает, что показывает нам глубину его чувств к этим людям. П.Флоренский, размышляя о дружбе, утверждает, что друг, любимый – единственный, избранный из многих. В данном же случае мы видим множество любимых у о.Сергия. На что П.Флоренский продолжает свою мысль: «Но, если даже сказать здесь, что таких, любимых Ты - бывает «много», то все таки к к а ж д о м у, при любви, отношение – к а к к единственному» [21, с. 471]. Эта жертвенная любовь о.Сергия простиралась даже до смерти. Когда он доверился одному епископу, и впоследствии тот дал показания на него и маросейскую общину в суде, то

о.Сергий молил Бога о том, чтобы пострадать только самому за свою ошибку, и чтобы никто из его «покаяльной семьи» не пострадал. Его молитва была исполнена: никто не пострадал, его расстреляли,

Что касается взаимоотношений с людьми Павла Флоренского, то стоит обратить внимание на несколько моментов. Самое главное – это то, что, подобно Иоанну Крестьянкину и Сергию Мечеву, у него усиливаются забота и переживание о близких на воле (в данном случае именно о семье). «Разлука с ними и тревога о них, – пишет С.Н.Булгаков, – очевидно, была и особым крестом его в изгнании» [2, с. 386]. Через письма он наставляет, назидает, учит, дает советы в разных областях жизни, утешает их, поддерживает, страдает за них гораздо больше, чем за себя. Пишет он жене: «Если бы вы могли чувствовать и понимать, как я люблю всех вас и как страдаю за вас, то вам было бы легче. Но я не знаю, чем помочь вам и не знаю даже, чем выразить свою любовь. Знайте только, что вы для меня дороже жизни, и я всем бы пожертвовал для вас, лишь бы вам было легко и хорошо» [20, с. 262].

О своем общении с людьми в лагерях он пишет очень мало. Однако по упоминаниям эпизодов из его жизни в заключении можно составить некоторое представление. Он пишет, что ему легко делиться с другими едой, так как он сам наедается, и у него был выработан аскетический навык. Следующий момент интересен тем, что когда его отстранили от научной работы и поместили в Соловецкий Кремль, он с печалью пишет: «Соловецкие впечатления мои теперь ограничиваются людьми, т.е. мне наименее интересным» [20, с. 300]. Этот момент очень сильно отличает его от других подвижников, которые в заключении ведут миссионерскую деятельность. Но, судя по доброму отношению к нему других людей, можно понять, как он относился к ним: «Как это ни странно, что почему-то мне симпатизируют многие магометане» [20, с. 298]. Не случайно в завещании своим детям (еще в 1920 году он задумывался о смерти) он указывает направленность вектора на доброту и внимательность в человеческих отношениях: «Не надо благотворительности. Но старайтесь чутко прислушиваться и уметь вовремя

прийти с действительной помощью к тем, кого нам Бог пошлет как нуждающихся в помощи» [20, с. 307]. Ранее он сам отмечает, какое в лагере с ним происходит изменение: «Я, вероятно, впадаю в детство, т.к. общество взрослых, всегда меня тяготившее, становится совсем невыносимым, и приемлемо только общество детей (которого у меня здесь нет) да подростков» [20, с. 283]. Объяснение такого интереса можно найти в другом его письме: «Секрет творчества – в сохранении юности. Секрет гениальности – в сохранении детства, детской конституции, на всю жизнь» [20, с. 294]. П.Флоренский, сам гениальный человек, невольно стремится к подобным себе. Желание общаться с детьми в окружающей уродливой атмосфере легко понимается как стремление к чистоте, гармонии, искренности, чутким и восприимчивым сердцам.

Таким образом, мы видим на примере ее самоанализа пребывания в заключении изменения, которые она сама же в себе фиксирует. Это наблюдение можно считать фактографией трансформации личности. А именно, какие изменения произошли, как изменилось ее отношение к заключенным, как они повлияли на нее и, наоборот, как она влияла на них.

Поскольку образ отца Арсения собирательный, воплощающий в себе лучшие черты подвижников, все описанные в одноименном произведении события имели место быть в реальности. Именно поэтому, подводя итоги этого параграфа, можно проиллюстрировать приведенную типологию трансформации примерами из «Отца Арсения».

Подвижник одним своим присутствием в лагере облегчил жизнь многим заключенным: добрым словом, поступком, примером. Для него не важно было, какой человек перед ним. Главным же было – помочь человеку в беде. Как написано по воспоминаниям солагерников: «Добротой своей, теплым ласковым словом согревал он многих душу, и был ли то верующий, коммунист, уголовник или какой-либо другой заключенный, для каждого из них находил он необходимое только этому человеку слово, и оно проникало в душу, помогало жить, заставляло надеяться на лучшее, вело к совершению добра» [11, с.39].

Ф.Е. Василюк в своей монографии «Переживание и молитва (опыт общепсихологического исследования)» рассматривает вопрос, как происходит процесс утешения, и каким образом один человек помогает другому человеку перенести страдания. Он пишет: «Духовно-участливое» утешение сострадательно погружается в душевное переживание, а затем воздвигает духовную лестницу, движением по которой человеческое переживание может претворяться в молитву и тем преображаться. Это утешение заслуживает именованная духовной психотерапии» [3, с. 177].

Мы видим множество примеров в книге, как меняются люди под влиянием личности подвижника. Бывший чекист Авсеенков, недавно сам посылавший людей на смерть и в лагеря, оказавшись на их месте, сначала сам хотел кончить жизнь самоубийством, но рядом с подвижником осознает свое прошлое и настоящее и становится верующим человеком. Как записано с его слов об о.Арсении: «Мир на таких людях держится. Я его в лагере наблюдал, - многим он помогал, и мы, на него глядя, помогать другим стали. Вижу, вопрос задать хотите, как это я верующим стал. Смотрел на его дела, вот и стал, а потом другие помогли...» [11, с. 274]

Такое отношение подвижника к заключенным фронтовик Авсеенков определяет как настоящий подвиг, подвиг во имя любви к человеку. И этот подвиг он ставит гораздо выше подвига на войне: «Самый большой подвиг в жизни – это в нечеловеческих условиях помочь людям; будучи голодным и умирая от голода, отдать последний кусок хлеба, сделать за другого тяжелую работу, будучи сам полутрупом» [11, с. 275]. На войне он водил в атаку, был четырежды ранен, спасал товарищей, готов был умереть за Родину, и он знал ради чего это делает: «А в лагере для чего было помогать и спасать? Все равно мы должны были умереть» [Там же].

Подобное же изменение происходит с властным и жестоким уголовником Сазиковым. И много других примеров: начальник, студент, комсомолец, журналист и т.д.

Соответственно, меняется и отношение заключенных к о. Арсению: для верующих он становится старцем, достигшим совершенства; для интеллигенции – ученый, совместивший веру и знания; коммунисты с уважением стали относиться к вере и верующим; уголовники уважали и защищали его, видя, что он не гнушается их и не боится, как другие заключенные. И многие обращались к нему за духовной помощью.

В душе о. Арсения происходят сильные изменения под влиянием личности умирающего инока Михаила, чьи откровения души перед смертью инока Михаила потрясли и смирили его. Исповедь этого праведника перед смертью открыла ему свое духовное ничтожество перед его совершенством.

В лагере о. Арсений также понял, что некоторые люди гораздо лучше, чем он о них думал. Это показывает эпизод с обыском, когда надзиратель по прозвищу «Справедливый», обыскивая его, находит у него Евангелие и быстро прячет себе в карман, таким образом спасая его от смерти. Другой эпизод – это когда в момент клинической смерти ему было показано, сколько хороших верующих людей было в лагере, и насколько он сам несовершенен. Он воспринял это как урок и вразумление для себя: «Будучи много лет в лагерях и сохраняемый в них милостью Божией, подумал, что верой я силен, а когда умер, то показали мне Господь и Матерь Божия, что недостоин я даже коснуться одежды многих людей, находящихся в заключении, и должен учиться и учиться у них» [11, с. 68].

В чем же причина такого влияния подвижников на других людей? Можно объяснить это тем, что именно подвижники владеют даром любви к людям: не в общем, абстрактном смысле некоей любви к человечеству, а в смысле конкретной любви к каждому человеку, тогда как это очень непросто. Философ Н.О.Лосский пишет, что личная любовь редко достигается человеком, и для ее возникновения нужна мистическая интуиция, улавливающая неповторимую и незаменимую ценность чужой индивидуальности [6, с.133]. Исходя из этих размышлений, можно сказать, что подвижники имеют такую мистическую интуицию. И эта индивидуальная любовь, по словам Н.О. Лосского, направлена

не на отдельные проявления человека, а на целое его личности и на вечную ценность ее [6, с.131]. В восприятии подвижников человек – это ни нечто преходящее, которое здесь и сейчас (например, ужасно злобный уголовник или жестокий мучитель-надсмотрщик), а бессмертная личность, чей затемненный, но изначально прекрасный облик они прозревают, несмотря ни на что, Н.О. Лосский говорит: «Личная любовь делает человека зорким ко всем особенностям конкретного индивидуального положения и является источником творческого поведения, руководящегося не отвлеченными правилами морали, а индивидуальным тактом» [Там же]. Всякий добрый и любящий человек может поддержать и утешить. Но не каждый добрый и любящий человек может способствовать изменению личности другого человека. Как отмечает Н.О. Лосский, для этого требуется дисциплинированная сила духа: «Воспринимая чужое страдание, они борются против него, как боролись бы против собственной беды или даже еще лучше, но при этом сами не заражаются *эмоцией* страдания и потому сохраняют все силы духа для наиболее целесообразной помощи страдающему» [6, с.186].

В подобном же направлении идут размышления на эту тему философа И.А.Ильина. Он объясняет соответственно, как происходит процесс воздействия одной личности на другую. В «Книге тихих созерцаний» И.А.Ильин дает свое представление/видение о сущности каждого человека как о живом личном центре, излучающем (через взгляд, слово, улыбку) в общий духовный эфир бытия особую энергию тепла и света, которая может вызвать ответ в чужих душах и завязать с ними живой поток положительного, созидającego общения. И чем значительнее и своеобразнее личность, тем сильнее мы осязаем его даже на расстоянии [5, с. 27]. Это высказывание мы можем также отнести к объяснению причины влияния подвижников на окружающих, так как они являют собой действительно сильных личностей, живущих напряженной внутренней жизнью.

Созидательное понимание любви человека у И.А. Ильина подобно восприятию Н.О. Лосского: «Любовь только тогда освобождает, когда человек

воспринимает в человеке сына Божия, страдающего, одолевающего и очищающегося страданием» [5, с. 172]. Он говорит, что только жалеющий, сострадающий другой человек еще не видит высшего предназначения человека, а видит в нем лишь воздыхающую и стенающую тварь, желая избавить ее от страдания [5, 171]. Таким образом, можно сказать, что отношение подвижников к людям находится на таком высоком уровне, что их любовь к людям меняет их, потому что они видят в нем его высшее предназначение и понимают благодатный смысл страдания, через преодоление которого он движется/идет к просветлению. Подвижники знают, как помочь человеку.

В труде «Аксиомы религиозного опыта» этот излучающийся религиозный центр он называет Купиной и главным, священным огнищем души, конкретно с которым и общается религиозно-искренний человек. Такое общение он называет настоящим, где происходит обмен искрами между Купиной и Купиной [4, с. 312]. Он определяет нравственную силу человека его совестливостью и искренностью: «Совесть нравственно центрирует душу и пронизывает все ее настроения, желания, цели и поступки подлинными лучами доброты и искрами добра» [4, с. 313]. Подвижники – это люди, искренно устремленные к Богу, не пойдут против совести, готовы пострадать за веру до смерти. Искренность подвижников также оказывает влияние на людей: «Искренняя душа – прозрачна: она живет как бы с обнаженным духом, и люди замечают это с удивительной быстротой и непосредственностью. Прозрачность души вызывает у других доверие к ней: она как бы «раскрывает» человеческие души» [4, с. 313].

Резюмируя рассмотренный материал, можно выделить определенную типологию в основных направленностях трансформации. Во-первых, происходит трансформация личностей окружающих (уголовников, интеллигенции, начальников и т.д.) под влиянием личности подвижника. Причем, перемены происходят как в восприятии постигших испытаний, так и в изменениях вектора жизненных ценностей, в определении смысла жизни. Во-

вторых, у окружающих людей меняется отношение к праведнику. В-третьих, происходит изменение личности и взглядов самого подвижника при взаимодействии с другими людьми. В-четвертых, меняется отношение самого подвижника не только к людям, но и к Богу. Трансформация личности подвижника веры происходит по пути возрастания любви к ближнему (как к заключенным, так и к лагерному персоналу), а также через развитие качеств служения ближнему и совершенствования в вопросах веры.

Список источников:

1. Архимандрит Павел Груздев. – М.: Отчий дом, 2006. – 736 с.
2. Булгаков С.Н. Священник о. Павел Флоренский // Павел Александрович Флоренский. Диалог со временем. Свет Фаворский. Поэтика судьбы. – М.: Русский Миръ, 2015. – С. 382-389.
3. Василюк Ф.Е. Переживание и молитва (опыт общепсихологического исследования). – М.: Смысл, 2005. – 191 с.
4. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М.: Рарогъ, 1993.
5. Ильин И.А. Книга тихих созерцаний. Поющее сердце. – Минск: Белорусская Православная Церковь, 2015. – 319 с.
6. Лосский Н.О. Бог и мировое зло. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 1999. – 432 с.
7. Лука (Войно-Ясенецкий), свт. Дух, душа, тело. – М.: ОБРАЗ, 2011. – 128 с.
8. Лука (Войно-Ясенецкий), свт. Я полюбил страдание: Автобиография. – Минск: Белорусская Православная Церковь, 2013. – 127 с.
9. Мажарина Ю.Н.. Мемуары как вид публицистического творчества./ Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2011. – № 2 – С.199-206.
10. Маросейка: жизнеописание отца Сергия Мечева, письма, проповеди, воспоминания. – М.: Мартис, 2001. – 455 с.
11. Отец Арсений. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2011. – 496 с.

12. Прп. Иустин (Попович). Достоевский о Европе и славянстве. – СПб.: Адмиралтейство, 1998. – 271 с.
13. Свет радости в мире печали. Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф. – М.: Паломник, 2004. – 686 с.
14. Святитель Афанасий (Сахаров), исповедник и песнописец. – СТСЛ, 2013. – 400 с.
15. Святитель Николай, митрополит Алма-Атинский и Казахстанский. – М.: Паломник, 2000. – 672 с.
16. Сорокин М.С. 521. Культура как ценностная ориентация творческой личности (на примере житийности В.Ф.Войно-Ясенецкого) // Культура и цивилизация. 2017. Т.7. № 3А. С. 518-523.
17. Софроний (Сахаров), архим. Старец Силуан. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2002. – 640 с.
18. Труханов Михаил, прот. Беседы с духовными чадами. Книга первая. Воспоминания. – Минск: Лучи Софии, 2015. – 272 с.
19. Труханов Михаил, прот. Воспоминания: первые сорок лет моей жизни. – Минск: Лучи Софии, 2013. – 320 с.
20. Флоренский П.А. Диалог со временем. // Павел Александрович Флоренский. Диалог со временем. Свет Фаворский. Поэтика судьбы. – М.: Русский Миръ, 2015. – С. 29-336.
21. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. В 2-х т. Т. 1. – М.: Правда, 1990. – 491 с.
22. Франкл В. Сказать жизни «Да!»: Психолог в концлагере. - М.: Альпина нонфикшн, 2018. – 239 с.
23. Черных Н.А. Последний из Мологи. Жизнеописание архимандрита Павла (Груздева). – Ярославль: Китеж, 2004, 20013 – 592 с.
24. Школа молитвы. – Издательство Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 2009. – 160 с.